

Казахстанская правда

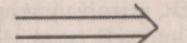
11 АВГУСТА 2006 ГОДА, пятница

№ 190 (25161)

ИЗДАЕТСЯ С 1 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЖАЛПЫҰЛТТЫҚ КҮНДЕЛІКТІ ГАЗЕТІ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА КАЗАХСТАНА NATIONAL DAILY NEWSPAPER OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

темы номера

2–3 стр. ХРАНИТЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ДУХА

Благочестивый

Очерк о Калтае Мухамеджанове

4 стр. ЖИЛИЩНАЯ ПРОГРАММА

Бывает ли льготным «квадрат»?

Ключи для ветерана

5 стр. СРЕДА ОБИТАНИЯ

«Жемчужина» нуждается в оправе

Добро пожаловать в природу!

Хранители национального духа

Мухтар КУЛ-МУХАММЕД

БЛАГОЧЕСТИВЫЙ

Сердца одних Создатель наполняет благородством, другие достигают этого в результате неустанных трудов и приобретения знаний. Стать подлинно благочестивым дано лишь тому, кто способен совместить в себе эти два начала.

Султан Санжар, средневековый философ

— А, это ты, мой отважный тигр!
Благочестивый при встрече всегда так приветствовал знакомых, а с теми мгновенно происходили метаморфозы: видевшие тигров живьем разве что в зоопарке, они вздыхали гриву и выгибало хребет, демонстрируя всю свою стать...

Уже в этом, внешне вроде бы простом обращении неизменно присутствовал исповедуемый казахами вековечный императив, согласно которому «в народе, у которого есть будущее, люди величают друг друга батырами».

Вот уже несколько лет как нет среди нас нашего замечательного, проницательного, всеми почитаемого Калеке — Калтая Мухамеджанова. Неумолчным эхом остается с нами его беззаветный смех. Незамутненным отблеском остается в наших глазах его светлый образ. И сегодня мой рассказ о Калтае-ага, каким его знаю я.

В свое время прекрасный казахский поэт Темирхан Медетбек охарактеризовал феномен Калтая Мухамеджанова в по-бахтиинской емкой и парадоксальной дефиниции: Калеке — «субстанция величайшего народного смеха нации». Оценка эта бесспорна и абсолютно согласуется с давно ставшим хрестоматийным фактом сенсационного прихода этого мастера в большую литературу: любиоровав с комедией «Волчонок под шапкой», он с первого же захода снискав благодарные симпатии тогдашних корифеев национальной литературы во главе с Мухтаром Аузовым и до конца дней своих прописался в кругу избранных интеллигентов страны.

И все-таки, если смыслы предмет и задача литературы — познание человеческого в человеке, то свое исследование о Калтая Мухамеджанове я бы предпочел вести именно от природных начал его человечности, со временем и принесшей ему славу.

Обычно, когда исследователи берутся изучить суть мировоззрения той или иной выдающейся личности, он обращается, прежде всего, к творческому наследию своего героя. Что касается меня, то мне посчастливилось наблюдать проявления мудреющего духа Калеке не только на уровне его языка, но и на примерах его языка, обыкновенно человеческого поведения. Расскажу об одном небольшом, но весьма показательном и поучительном эпизоде, навсегда запечатленном в моей памяти.

Семидесятилетний юбилей Калеке проходил на критическом пограничье времен — летом 1999 года, хотя по официальной биографической хронологии должен был быть проведен в конце 1998 года.

Замечу, что тот свой юбилей он проводил вовсе не для того чтобы как-то выделиться, привлечь к себе внимание или привлечь к нему пыль в глаза.

Поэтому и главная роль на юбилее принадлежала даже не виновнику торжества, а несметному количеству почитателей его таланта, для которых он стал образцом достоинства, оптимизма и жизненной мудрости.

Во всеоружии своей безбрежной эрудиции и душевной щедрости, подобно полно водной широкой реке, прошелся в то лето Калеке с вонтисту академической юбилейной эстафетой, которая, начавшись в университете имени Дулати древнего Тараза, продолжившись в университете имени Яссуа в священном Туркестане, впоследствии триумфально увенчалась в университете имени Коркытата-ата старой добрых Кызылорды.

В ходе этого своего тура он не просто выступал с лекциями, но одарил все четыре университета четырьмя тысячами книг, чем вызвал искреннюю радость преподавателей и студентов.

Центральный актовый зал Международного казахско-турецкого университета был заполнен до предела. Выступая с лекцией, Калеке держался свободно и раскованно и был, что называется, в ударе. Перед лицом туркестанских ученых мужей он, ориентируясь в бо гласии блестящие, подобно

рыбе в воде, штирировал и толкал Священное Писание от Торы и Псалтыря до Евангелия, с шиком декламировал наизусть аяты Священного Корана и хадисы пророка. Слух жаждущей знания юной студенческой поросли он очаровывал будоражащим умы рассказом, на нить которого, словно в связке сверкающего жемчужного ожерелья, были нанизаны имена и речения величайших суфийев от Абубакира ас-Садыка Зунуна, Аттара, Аль-Газали, Аль-Бистами, Аль-Ансари, Ибн Араби, Руми, Накшбанди до Ходжи Ахмета Яссуна, Абазы и Шакарима. Правонализировав множество суфийских школ, орденов, течений и направлений, таких как накшбандия, мавлавия, касирия, малиматия, чиштия, кубравия, он привел немало занимательнейших сведений из давней и недавней истории суфийских движений. Много интересного и неординарного поведал он на тему национального воспитания и обучения. Не осталась без внимания и история тюркологической науки, когда исследователи берутся изучить суть общественно-политической мысли, представленной в лекции ссылками на имена, труды и деяния турецкого ученого Ф. Кепрюло, татарского просветителя И. Гаспринского, башкирского деятеля З. Валиди, казахского энциклопедиста А. Байтурсынова. Так зажигательно выступал он перед молодежью страны, пребывающей в глазах огонь, в сердцах — свет.

Когда объявили перерыв, группа студентов устремилась на сцену и обступила его плотным кольцом. Терпеливо раздававшие всем желающим, он собралась было встать и покинуть президиум, как какой-то пожилой турецкий профессор во всеуслышание обратил к нему странный и явно не подобающий такой торжественно-приподнятой атмосфере юбилейный вопрос:

— Сын Калтая-ага! Я глубоко благодарен Вам за все, что сегодня здесь услышал. И у меня не осталось никаких сомнений в Вашей глубокой учености. Но Я не уверен в том, насколько Ваш урок пойдет впрямь казахской молодежи. Помогите вокруг: казахские девушки позабыли обо всех приличиях. Мало того, что у них укорочены прически и подолы, в последнее время взяли за модуходить с оголенным пупком. Насколько же все это согласуется с национальными традициями и религиозными предписаниями, о которых Вы только что вели речь?

Мгновенье ока от царившей зале задумчивой атмосферы, словно после ущата ледяной воды, не осталось и следа. Ошеломленные скандальной выходкой турецкого собрата, мы сконфуженно умолкли, не зная, как выправить ситуацию. Но на лице Калеке не мелькнуло ни тени смущения. Лишь провела своей толстой руцищей по столе же основательно задумчивому Творцом увесистому носу, он отчего-то произнес, воздев к небу указующий перст своей правой руки:

— Во всей живой природе юность — это время весны организма, не так ли? А весной все сущее преображается и расцветает подобно турецкому ворсистому ковру, проявляясь наружу всеми своими красками и прелестями. Сильный подозреваю, что проблема

объясняется и то, что трем своим сыновьям он дал исключительно религиозные имена: Калиолла (в миру Калтай), Абиболла (Аби), Ибрахим (Кыргызбай).

О Мухамеджане известно и то, что даже при советской власти он продолжал содер жать мечеть и медресе, неся народу Сыра свет истинной веры.

Находясь в тесной дружбе с знаменитым поэтом и переводчиком Турсмагамбетом Илтегуловым, оказывается, именно Мухамеджан-карьи посоветовал ему перевести на казахский поэму «Шах-Наме».

Как выяснилось, такие люди

творчества которого в свое время положил сам академик В. В. Бартольд. И пусть его поэтическое наследие полностью не систематизировано до сих пор, литературоведы давно оценили и признали К. Кошкулы, чье творчество занимает достойное место в казахской поэзии XIX века.

Трава зеленеет только там, где и ранне благоухаю рас тение», — гласит мудрая казахская поговорка, объясняющая прогресс как преемственность элитных генов. Что находит подтверждение и на примере истории этой династии: сын Кудери Нарботы был именитым билем, внук Нуруке был родовым предводителем, правнук Мухамеджан был религиозным предстоятелем, а правнук Калтай — пополнил ряды великих классиков казахской литературы.

Калеке был прелан вере и за всю свою земную жизнь не сошел с праведного пути, хотя и не относился к числу рафинированных ортодоксов. Повсюду, где бы он ни оказался, никогда не обходил стороной мечети и медресе, а во всех святых и богохранимых местах либо запретным домом (ал-байт ал-харам) либо запретным домом (ал-байт ал-хуаррам). Кааба стала киблой только тогда, когда мусульмане повернулись в сторону Кабы, они делают это не для поклонения Каабе (которая есть «Черный камень»), а для молитвы, обращенной к единому Аллаху.

В Коране Кааба именуется земным домом, древним домом Аллаха (ал-байт ал-атик), священным домом (ал-байт ал-харам) либо запретным домом (ал-байт ал-хуаррам). Кааба стала киблой только тогда, когда мусульмане, изгнанные из Мекки, прибыли в Медину.

В священном Коране также написано: «Аллаху принадлежит и восток, и запад. Он ведет, кого хочет, к прямому пути» (Коран, сурा 2 — аят 142). Из этого следует, что Кааба всегда лишь на правление, а путь к Всевышнему лежит через нашу веру в него.

В ночь Миградж (полное ко

рническое название — ал-Иса ул-Миградж — ночное путеше

ствие и вознесение на небо) пророка нашего, лежавшего у подножия Каабы, архангел Жабраил посыпал на крылья Алла-Бурака (к этому восходит и казахское слово «ырырак» — крылатый конь), на котором они полетели в Кудус. Там пророк Мухамед совершил наамаз вместе с пророками Ибрахимом, Мусой и Иса, после чего с помощью Жабраила преодолел семь небесных сфер, за которыми увидел пурпурный божественный ник Сознатель.

Одно из 99 имён всевышне

го Аллаха — Хак (по-казахски акият — «истина»). А это значит, что Всемогущий — и

есть та сверхъестественная

сила, которая вдыхает в нас правление на северо-запад. Что бы это значило?

Видать, товарищ этот в прошлом не раз попадался на шутки и розыгрыши Калеке, вот и решил на этот раз не упустить свой верный шанс на реванш. И как только хозяин вернулся, гость расхохотался в едкой насмешке:

— Калеке, как бы ты ни изменил западским музеям, сегодняшний твой намаз уж точно прошел мимо щели... Ведь киблы твоя не на Мекку смотрела, а сориентировалась на Москву!

— Эх, милейший, сколько бы ты ни лез из кожи вон, пытаясь выбраться в люди, я твоевежество все-таки прёт из тебя. Кто это тебе сказал, что Бог заседает в Мекке? Если хочешь знать, то, во-первых, во времена пророка первые мусульмане читали намаз, обращая свои взоры к Кудусу, а вовсе не к Мекке. Во-вторых, мечеть — это не обитель Аллаха, а всего лишь его дом на земле. Разве в ночь Миграджа наш пророк не сел на Алль-Бурака и не покинул ту самую Мекку, чтобы увидеть сияющий лик Создателя нашего, поднявшись на небо над Кудусом?

Следовательно, на какую бы сторону ни читал я свой намаз, Бог, который на небесах, будет находиться в сердце моем, которое во мне на земле.

Потому что увидеть Творца глазами невозможно, но Его ты чувствуешь сердцем.

Между прочим, одно из имен Всемогущего — Хак. А дорога, к нему ведущая, называется Хакикат.

«Хак» по-казахски — «рас», то есть «истина». И когда

Калтай призывает

ощущать божественное присутствие силой сердца, его слова более чем созвучны тому, что сказал об этом известный средневековый суфий Бахауддин Накшбанди:

«Если ты любишь своего Бога, то, значит, твоё сердце есть зеркало Его лица. Когда ты смотришь в сердце свое, безусловно, видишь Его лицо». Столь же не случайно подыграл Калеке свою мысль зачином из всемирного туркестана:

«Когда Калтай призывает

ощущать божественное присутствие силой сердца, его слова более чем созвучны тому, что сказал об этом известный средневековый суфий Бахауддин Накшбанди: «Если ты любишь своего Бога, то, значит, твоё сердце есть зеркало Его лица. Когда ты смотришь в сердце свое, безусловно, видишь Его лицо». Столь же не случайно подыграл Калеке свою мысль зачином из всемирного туркестана:

«Когда Калтай призывает

ощущать божественное присутствие силой сердца, его слова более чем созвучны тому, что сказал об этом известный средневековый суфий Бахауддин Накшбанди: «Если ты любишь своего Бога, то, значит, твоё сердце есть зеркало Его лица. Когда ты смотришь в сердце свое, безусловно, видишь Его лицо». Столь же не случайно подыграл Калеке свою мысль зачином из всемирного туркестана:

«Когда Калтай призывает

ощущать божественное присутствие силой сердца, его слова более чем созвучны тому, что сказал об этом известный средневековый суфий Бахауддин Накшбанди: «Если ты любишь своего Бога, то, значит, твоё сердце есть зеркало Его лица. Когда ты смотришь в сердце свое, безусловно, видишь Его лицо». Столь же не случайно подыграл Калеке свою мысль зачином из всемирного туркестана:

«Когда Калтай призывает

ощущать божественное присутствие силой сердца, его слова более чем созвучны тому, что сказал об этом известный средневековый суфий Бахауддин Накшбанди: «Если ты любишь своего Бога, то, значит, твоё сердце есть зеркало Его лица. Когда ты смотришь в сердце свое, безусловно, видишь Его лицо». Столь же не случайно подыграл Калеке свою мысль зачином из всемирного туркестана:

«Когда Калтай призывает

ощущать божественное присутствие силой сердца, его слова более чем созвучны тому, что сказал об этом известный средневековый суфий Бахауддин Накшбанди: «Если ты любишь своего Бога, то, значит, твоё сердце есть зеркало Его лица. Когда ты смотришь в сердце свое, безусловно, видишь Его лицо». Столь же не случайно подыграл Калеке свою мысль зачином из всемирного туркестана:

«Когда Калтай призывает

ощущать божественное присутствие силой сердца, его слова более чем созвучны тому, что сказал об этом известный средневековый суфий Бахауддин Накшбанди: «Если ты любишь своего Бога, то, значит, твоё сердце есть зеркало Его лица. Когда ты смотришь в сердце свое, безусловно, видишь Его лицо». Столь же не случайно подыграл Калеке свою мысль зачином из всемирного туркестана:

«Когда Калтай призывает

ощущать божественное присутствие силой сердца, его слова более чем созвучны тому, что сказал об этом известный средневековый суфий Бахауддин Накшбанди: «Если ты любишь своего Бога, то, значит, твоё сердце есть зеркало Его лица. Когда ты смотришь в сердце свое, безусловно, видишь Его лицо». Столь же не случайно подыграл Калеке свою мысль зачином из всемирного туркестана:

«Когда Калтай призывает

ощущать божественное присутствие силой сердца, его слова более чем созвучны тому, что сказал об этом известный средневековый суфий Бахауддин Накшбанди: «Если ты любишь своего Бога, то, значит, твоё сердце есть зеркало Его лица. Когда ты смотришь в сердце свое, безусловно, видишь Его лицо». Столь же не случайно подыграл Калеке свою мысль зачином из всемирного туркестана:

«Когда Калтай призывает

ощущать божественное пр

